

Тень приговора

Утро в аиле Ачи начиналось с дыхания гор.

Тогда прохладный ветерок начинал игриво перебирать дремлющую листву на ветвях тополей, жеребёнком-сосунком пробегал по скользким пёстрым булыжникам арыка, обдавал холодком прибрежные дикие цветы и вновь улетал к перевалу, чтобы развеять там остатки сизого ночного тумана.

Кебек проснулся до рассвета: нынешний сон не на долго задержался в его подсознании, в миг улетучившись сквозь зрачки широко раскрывшихся глаз. В груди ощущалась странная тяжесть, будто в недобрый час чья-то незримая рука поместила по над лёгкими два холодных камня, придавив одно другим. Мужчина осторожно, чтобы ненароком не потревожить сон домочадцев, присел с краю кровати. Слева доносилось равномерное дыхание жены, а справа — посапывание дочери. В темноте комнаты на гвозде висел его калпак. Тихий мир вокруг, залитый голубоватым светом луны, казался столь иллюзорно хрупким, что даже от громкого вздоха мог рассыпаться, будто истлевшие сухие лепестки вишен, либо растаять, как грёзы, либо развеяться в вечном времени, словно бездушный пепел.

Кебек тихо встал и, мягко ступая, вышел во двор. Холодная земля, прикрытая бусинками предрассветной росы, хрустнула под его шагом. В саду на шпалере висели недозрелые гроздья винограда, а в саду среди грядок росли тонкие саженцы годовалых яблонь. Они тянулись к небу, изящные в своих изгибах, и чарующе живые — их кора была полна соков, и каждый лист сиял томной зеленью, ловя первые блики утреннего солнца. Кебек провёл ладонью по влажному и прохладному листу:

- Растите, — шепнул он, и голос дрогнул, — как я завидую вам, ведь вы живёте свободными.

Сознание Кебека вновь впало в горестные раздумья. И было от чего. О том и речь.

Даже сообщение по радио о том, что космонавт Титов совершил второй пилотируемый полёт в космос, не вызвал у него особых эмоций, так как Кебек переживал сильный страх и потерял душевный покой. Последние два дня он мысленно готовился к аресту и последующему заключению в тюрьму.

Ничто не предвещало беды. Но весь мир для него перевернулся верх дном, когда в лихое одночасье в его магазине появился сотрудник Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности министерства внутренних дел, известного в народе по аббревиатуре - ОБХСС. Это подразделение по своей грозности уступало лишь КГБ.

Леденящие душу слова сотрудника:

- Гражданин Айдаркулов Кебек, первичная проверка показала серьёзную недостачу денег. Это растрата социалистического имущества. Назначим ревизию, готовьтесь к суду. Не покидайте территорию района без моего разрешения! – оказались для него шоковыми.

С того момента перед его глазами то и дело маячила холодная прокуренная тюремная нара - с вездесущим запахом сырости и никотина. Камера с цементным полом, ржавая железная койка, желтоватая лампочка под потолком, которая светит, как больной глаз. Злые рожи зеков, кашель, запах кислой, как обида, тюремной баланды... Невыносимая вонь и гнетущая атмосфера в окружении нервных и злых на весь свет заключенных... От ужаса сразу подступала тошнота, и он судорожно втягивал воздух в легкие. В саду пахло зеленью, дымком очага, влажной землей, свежескошенной травой — дух свободы, запахи родного дома.

Он прижал к себе дочь так осторожно, словно держал хрупкий кувшин наполненный до краёв живительной влагой. Тёплые тонкие руки обвили его шею, щекой она уткнулась ему в ворот. Он почувствовал, как горячая тоненька струйка её дыхания касается кожи, и едва удержался, чтобы не зарыдать. Жена, проснувшись, села в постели, поправила платок и улыбнулась так, как улыбаются женщины, когда в них живёт тайное знание света. Кебек отвёл глаза. Она еще не была осведомлена о предстоящем аресте своего мужа. Кебек счёл правильным уберечь её от излишних тревожений, тем более его благонаравная супруга была на сносях - семья ожидала рождение пятого ребенка.

«Пять лет за решеткой! С ума сойти!» Цифра чернела перед взором, как страшная метка на двери. Кебек сам пришёл к председателю сельского потребобщества Шеримову Сыдыкходже, курировавшему все магазины в окрестностях, и рассказал о недостатке. Не стал скрывать: не умел. Всё началось, казалось бы, с пустяшных дел - небрежных записей, чужих расписок, дескать «потом донесу», «завтра оформлю». Настало время, когда эти незначительные мелочи собрались, как снежный ком, в огромную недостачу. А ведь деньги любят точность, и исчезают, если их не держать в узде. Кебек вёл учёт, но вёл на глаз, доверяя людям и памяти, а память — птица дикая, её не держит клетка календаря. Когда в магазине пахло чехословацкой обувью и новой тканью, когда в дефицитные годы он мог продать пару польских сапог для учительницы и одну куртку для врача, уважение в селе стучало к нему, как барабанная дробь. Дверь не успевала закрываться. Но всё течёт, всё изменяется. Вся его безмятежная тридцатипятилетняя жизнь прошла перед его глазами, как кинолента: он вспомнил как в аиле родители обнимали его возле юрты в день принятия в пионеры. Красный галстук пахнул новой тканью и утюжкой. Он дул в горн на школьных линейках, и звук уходил к небесам, как крик птицы, и вся школа слушала, будто звучала сама надежда. Мечтал стать летчиком, часами занимался гимнастикой, тренировался на перекладине во дворе. А когда вглядывался в звёзды ночного неба, то мечтательно думал: «Вот туда я полечу!». Потом торговый техникум, распределение, продавец сельского магазина. Постепенно жизнь наладилась: начал строить дом на отцовском участке, сад разрастался, дети смеялись... И вдруг — холодная рука судьбы в тёплой комнате: недостача! Растрата!

Утром на улице его встретил мальчик с горящими, как угольки, глазами - Талибжан, сын соседа. Взгляд у мальчика был твердый, он был горд тем, что выполняет важное поручение, и он взмахнул выпалил:

— Агай, вас председатель вызывает. Сыдыкходжа-аке сказал, что срочно.

Кебек старался идти быстрее, но ноги его были ватными.

В тесном коридоре сельпо пахло бумагой, пылью и чаем. Он вошёл в кабинет председателя, опустил глаза — пол был серым, как небо перед ненастьем. Его взгляд, невольно отвлекая внимание, цеплялся за каждую царапину.

— Ассалом алейкум, — сказал он тихо.

— Ва алейкум ассалом, — ответил Сыдыкходжа голосом, в котором было и спокойствие и даже бодрость, — садись, «расхититель». Выглядишь не важно.

Они были ровесниками. Сыдыкходжа Шеримов являлся самым молодым руководителем сельского потребительского общества в Джалал-Абадской области.

Кебек не сел, продолжал стоять. Губы пересохли. Он чувствовал стыд, который вошёл в

кабинет начальства раньше его самого. Всем своим видом Кебек говорил: «Я подвёл всех!». Но далее случилось то, чего он не ожидал.

— Всё в порядке, — неожиданно и буднично сказал председатель, как будто он сообщал о погоде. — Иди работай. Но будь внимателен. Веди строгий учёт. Магазин, товар, деньги - всё это народная, государственная собственность. Кто украдёт или допустит недостачу по халатности — тому не избежать наказания.

— Как... как в порядке? — выдохнул Кебек, бледнея. — Там же недостача... Я проверил - растрата большая...

Сыдыкходжа улыбнулся.

— Недостачи нет, — сказал он спокойно. — Недостающая часть мною внесена в бухгалтерию. Кроме того, я сам лично попросил сотрудника ОБХСС «притормозить» проверку на несколько дней. Он вернётся к тебе, проверит учёт, увидит порядок — и уйдёт. Работай. Учись на ошибке.

Кебек, как человек, который ждал осуждения и претензий, вдруг оказался в объятиях защитника, чему не сразу поверил. Он открыл рот и... снова закрыл, как рыба, выброшенная на песчаный берег.

— Спасибо, но с-сколько... я должен... внести в к-каассу? — спросил он после паузы, и голос его едва не сорвался на шёпот. — Как... отблагодарить?

— Нисколько! И никого не надо благодарить, — мягко, но жёстко сказал Сыдыкходжа. — Я помог тебе не за деньги. Ты - хороший парень. Твоего отца весь район уважает, он фронтовик, мудрый старик, воевал с фашистами вместе с моим отцом. А ты еще дом не достроил, четверых детей растишь, жена на сносях. Растить детей, нельзя им без тебя. Иди, — он поднялся, обнял Кебека, — всё позади. Отцу не говори. В его возрасте нельзя волноваться.

Кебек пытался выговорить слова благодарности, но председатель не дал для этого возможности. Глаза Кебека выражали его чувства лучше любых слов.

Хозяин кабинета проводил его из кабинета и закрыл за ним дверь.

Для Кебека маленький коридор внезапно стал казаться просторнее и светлее. Он вышел на улицу и шёл. Или летел?! Он не помнит. Земля не чувствовалась под ногами, ветер становился лестницей, уносящей в небо. Мир вновь обрёл свои краски. Он вновь начал чувствовать запахи жизни, дух свободы...

Дома он собрал все деньги, что были. Взял в долг у друга и родственников. Решил продать двух барашков из сарая. В газетную бумагу завернул собранные две пачки денег, на вид внушительные, но по его расчётам — лишь малость в сравнении с тем, что уплатил за него председатель сельпо. На другой день он снова пришёл к председателю. От волнения сердце билось в груди, как пойманная птица в сетях.

— Возьмите, — сказал он, протягивая свёрток. — Это часть... остальное я обязательно верну.

— Нет, — твёрдо сказал Шеримов. — Забирай. И забудь. Раз и навсегда!

— Но...

— Никаких «но»! А то обижусь. Наши отцы и деды вместе пережили голод, плечом к плечу защищали Родину от фашистов. Они все - братья, для которых национальность и место проживания не имеет никакого значения. Вместе проливали кровь, тащили на себе раненого товарища, делились последним куском хлеба. Разве они думали в то время, что раненый должен возратить ему долг за оказанную помощь?! Разве добродетель продается или поддается арифметике? Добро, основанное на корысти — это уже торг, мой дорогой брат. Так что иди домой, используй эти деньги на нужды семьи, купи инвалидную коляску старшему сыну.

Сыдыкходжа по-дружески обнял Кебека и проводил до двери кабинета.

Ночью Кебек долго не мог уснуть. Его калпак лежал рядом. Он то надевал его, то снимал - как будто голова будет думать иначе, если будет открыта или прикрыта. «Как не благодарить человека, который спас тебя от позора и тюрьмы?» — спрашивал он себя в темноте. В горле стоял солёный ком. Он боялся снова идти к председателю — не из страха, из стыда: это был стыд человека, который принял милость и не нашёл достойных слов, чтобы отблагодарить его. Как не выразить благодарность благодетелю? Отвечать добром за добро, а терпением на обиду - черта кыргызского народа. Его мысли шли к одному: «Чем измерить милость?» В бухгалтерии мира нет графы «благодарность», зато в Книге Жизни есть строка «совесть», и туда попадают только те чувства и слова, что пишутся невидимыми крыльями сердца.

И тогда родилась простая мысль — та, что приходит из сердца, а не из сознания. «Позавчера я решил продать двух баранов, — сказал он себе, — значит, с этого дня эти два барана согласно моим намерениям являются собственностью Сыдыкходжа. И я буду кормить их и преумножать для него, пока есть силы». И начал кормить их по-особенному: с благодарностью, с тем чувством, с каким ухаживают за огнём в священном очаге храма.

Он не знал, что тем самым начал историю, которая будет жить дольше его самого.

Закон сердца и счёт судьбы

Сотрудник ОБХСС вновь пришёл в магазин Кебека, проверил учётные данные, сравнил с наличкой в кассе и ушёл, ограничившись устными рекомендациями и предупреждениями. Жизнь вернулась в обычное русло. Магазин опять пах новыми тканями и мылом, с утра на пороге выстраивались люди: кто за крупой, кто за молоком, кто за одеждой. Кебек вёл строгий учёт каждого рубля и копейки, каждый приход — с подписью, каждая накладная — выверена, как счёт муллы на чётках.

Постепенно Кебек начал замечать вокруг себя тонкие законы, которые открываются лишь тем, кто чист сердцем: на базаре старик, не спросив, подвинулся молодому, у которого на руках плакал ребёнок; в школе учительница добровольно оставалась после уроков, чтобы объяснить девочке сложные примеры; на свадьбе узбеки и кыргызы вместе пели одни и те же песни. Он осознал: милосердие — это не поступок, а язык. И если на нём начинают говорить двое, третий уже понимает без переводчика.

Испокон веков дружба узбека и кыргыза всегда была не искусством дипломатии, а искусством хозяйствования: вместе пахали, вместе строили, вместе мерили дождь и весеннюю воду. У одного — тюбетейка узорчатая, у другого — белый калпак, как вершина снежная; один сыпал чай, другой клал хлеб — и всё это было привычным обменом благодати.

Шли годы — незаметные, как дыхание. Дети начали ходить в школу, жена улыбалась всё чаще, пятый ребенок благополучно родился, подрос и резво бегал по двору. Кебек достроил свой дом, крыша перестала протекать. Магазин работал, как пчелиный улей, и в нём почти не было ошибок в учётах товаров.

Шел 1966 год. Плохая весть пришла внезапно, как гром среди ясного дня, как холод, что входит в дом даже летом. Жалал-Абад наполнился жуткой вестью: не дожив до сорока пару лет внезапно умер Сыдыкходжа Шеримов, так и не вылечившийся от затянувшейся хвори. Взрослые говорили тихо, дети смотрели на взрослых, и из этого взгляда понимали, что произошло что-то важное и не хорошее. О Сыдыкходже все говорили одинаково – был человеком слова и скрытно помогал сиротам и бедным. Свидетели рассказывали, что он ночью оставлял перед калитками бедных семей продукты питания, в темноте его узнавали по силуэту и по его служебному автомобилю - автолавке, из которой он сам выгружал муку, масло, вермишель, макароны. Он инкогнито раздавал продукты бедным и одежду сиротам, чтобы никого не смущать и избегая огласки. Он все делал от чистого сердца. О гостеприимстве Сыдыкходжа и его семьи знали все. Не было и дня, чтобы в его доме не гостили друзья, знакомые, родственники. Его супруга Зилалахан ночью, когда спали гости обязательно выстирывала их портянки, а утром – аккуратно складывала их возле сапог, уже почищенных сыновьями. Благодарности гостей не было предела.

В день похорон дом покойного на улице Ходжалар махаллясы в Джалал-Абаде наполнился людьми. На головах пришедших проводить его в последний путь пестрились узорчатые чёрно-белые тюбетейки и белые, как вершины в синем небе, калпаки. Узбеки и кыргызы стояли вместе так, как когда-то их деды стояли плечом к плечу на войне с гитлеровскими фашистами, как отцы на пахоте, как братья за станками. Женщины плакали, мужчины молчали и вздыхали, мальчишки шмыгали носами и старались стоять ровно. Суры Корана звучали над гостеприимным двором, мелодично и плавно, как прозрачная ткань, вздымаемая мирным ветерком.

Кебек стоял у ворот два дня вместе с сыновьями и братьями Сыдыкходжы. Он встречал и провожал, помогал старикам присесть, тихо, без слов, как должен делать младший для старших. Он искренне плакал, читал молитвы и просил Бога: «Прими его в свой Рай! Он сделал так много добрых дел. Он и меня спас от тюрьмы и позора».

На третий день, когда поток людей уменьшился, на улице вдруг поднялся шумный переполох. Сначала подумали, что кто-то рьяно спорит, или приехала машина. Родные умершего увидели... стадо. Овцы - около пятидесяти голов блеяли и текли белой рекой по дороге, а затем погонщики повернули их к дому Сыдыкходжы. За ними шёл человек с палкой. Он гнал стадо уверенно, как гончар, неторопливо ведущий линию по глине. Он загнал отару баранов прямо во двор председателя.

Это был Кебек.

Он вошёл со стадом во двор. Сыновья покойного - Иброхим, Икром и Зухриддин, одетые в черные чапаны, вышли навстречу. Старший из них - Иброхимходжа поднял руку:

— Агай, постойте. Что происходит?

Кебек остановился, опустил палку, вдохнул глубоко. Вокруг него шумело стадо, как прибой шумит у подножия скалы.

— Я знаю, — сказал он, — вы как истинные сыновья Сыдыкходжа аки, тоже откажете. Но послушайте меня.

И он рассказал свою историю. О растрате, о том как их покойный отец пять лет назад спас его от тюрьмы, о двух барашках, которых он мысленно подарил председателю. О том, как стадо росло и множилось. Он говорил просто, как говорит пастух — без прикрас, но так, что каждое слово было камнем, на котором можно стоять.

— Это стадо не моё, — сказал он в конце. — Оно моего брата Сыдыкходжы. Я знал, что он никогда не получит их. Но и я не могу не отдать.

Сыновья переглянулись. В их глазах было и удивление, и гордость, и грусть. Старший сын Иброхим сделал шаг вперёд.

— Агай, заберите. Это ваш труд, ваша отара, — сказал он мягко.

— Нет, — покачал головой Кебек. — И не проси. Ни за что не заберу обратно.

Спорить было бессмысленно. Тогда они решили по восточному мудро, как умеют те, кто знает цену признательности и благородства.

— Пусть будет так, — сказал Икром. — Мы будем пасти их вместе. Прибыль будем отдавать сиротам и неимущим. И каждый раз, когда будем делать это, будем посвящать савабы — душе нашего отца и душе вашего отца, Кебек агай. Пусть добро множится не в карманах, а в руках тех, кому оно нужно.

Слова эти легли в сердце, как зерно в подготовленную почву. Кебек кивнул. Он почувствовал как нравственный долг снимается с его плеч, будто лёгкой рукой. Он уже год как прекратил работать продавцом магазина и занялся разведением овец.

С тех пор стадо стало знаком дружбы и единства. Кебек агай и детей Сыдыкходжы видели то в долине, то в махаллях перегоняющих отару. Люди знали: она появилась из чувства признательности, как ответная благодарность. Она принадлежит памяти хорошего человека, но кормит живых.

И так в горных степях стало множиться стадо, у которого было два пастуха, два народа и одна душа. С тех пор овцы, пасущиеся на стыке двух сел, стали приметой доброты — как белая точка на крыле орла.

Восточная мудрость гласит: «Добро — это зерно, которое знает дорогу к свету, даже в темноте амбара». У этого зерна — много имен. Одни зовут его милосердием, другие — совестью. Издревле наши предки называли это качество одинаково: «адамгерчилик» у кыргызов и «одамгарчилик» у узбеков — человечность, человеколюбие.

И было ещё одно — самое важное: когда узбек и кыргыз встречались на тропе, они обменивались не только приветствиями, но и добрым взглядом, в котором было молчаливое убеждение: «Мы — один народ, говорящий на двух диалектах». Вот уже сотни лет в праздники они радуются вместе, в горе переживают, страдают вместе, в будни работают вместе, в трудные годы делятся хлебом единым, сопереживают, когда другому болезненно. Но теперь каждый знает эту историю, которая доказала их родство без слов. Вера в единство перестала быть лозунгом и стала мясом, хлебом, молоком, кусками сыра, отданными в детские дома, помощью нуждающимся.

Восток любит говорить притчами, потому что притча не стареет. Сегодня её расскажут у очага, завтра — на свадьбе, послезавтра — на похоронах, и каждый раз она будет новой, как свежий хлеб. Реальная история об отаре благодарности в будущем кому-то покажется притчей.

Кыргыз и узбек — две ветви одного дерева. Ветви шепчутся, спорят — как им качаться на ветру, как ловить свет, как шуметь под дождём. У них общий корень. Его зовут памятью, добром, милосердием, честью, хлебом, водой, воздухом. И когда одна ветвь тяжелеет плодами, другая подставляет опору, делится светом и тенью, свежим ветром. Так дерево сохраняет равновесие, а страна — стабильность.

И если завтра, проходя мимо чьего-то сада, вы увидите молодые, тонкие саженцы — вспомните: свобода — это рост. А если на склоне застучат колокольчики стада — улыбнитесь, вспомните доброго Кебека.

Пусть так будет и впредь — до скончания веков. Пусть белые калпаки и узорчатые тюбетейки стоят рядом под одним небом, а стада множатся в горных степях, как знаки милосердия. Пусть дети учатся в школах урокам человечности и вершат добрые дела на протяжении всей жизни. Пусть помогают всем, без корысти — просто, как смысл жизни. И пусть всякий, кто однажды дрожащими руками обнимет дочь и жену, мысленно прощаясь с ними, найдёт в мире того, кто скажет ему: «Всё в порядке, брат. Продолжай жить, любить и трудиться, но будь внимателен!».

[Бегижан Ахмедов](#)

Член союзов писателей Кыргызстана, Азербайджана и Узбекистана

Бишкек, 10-14 ноября 2025 года